

УДК 130.31
DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.7076

НЕПОЛНОТА ЧИСТОГО РАЗУМА: ЭСТЕТИКА, RATIO, INTUITION

Каюмов Айдар Талгатович,

Московский государственный лингвистический университет,
заведующий кафедрой философских наук,
доктор философских наук, профессор,
Москва, Россия,
E-mail: atkayum@gmail.com

Маслова Анастасия Владиленовна,

Московский государственный лингвистический университет,
кафедра философских наук,
кандидат философских наук, доцент,
Москва, Россия,
E-mail: an_maslova@inbox.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу происхождения эстетики на глубинном уровне сознания человека. За основу берутся три работы выдающихся мыслителей – И. Канта, К.Г. Юнга и М.М. Бахтина, – образуя триалог, направленный на выяснение происхождения эстетических категорий, которые находятся на краю интуитивного суждения вкуса и рационального облекания его в конкретном произведении. Подчеркиваются различия в подходах и способах мышления трех рассматриваемых мыслителей, что позволит создать целостное представление о феномене эстетики.

Ключевые слова:

эстетика, способность суждения, коллективное бессознательное, интуиция, поступок, рациональность, симпатия.

Демаркация эстетики и выявление ее особенностей

Эпистемологический дискурс ограничивается обычно анализом когнитивных способностей человека, которые предназначены для лучшего познания действительности. Однако еще Сократ вывел гносеологию за пределы *cogito*, Декарт же в свою очередь вернул ее в свои изначальные рамки. Сегодня, в век преодоления Декарта, возникает новый топос философии: поиск границ рационального. Причем рациональное обозначает не только когнитивную деятельность, но напрямую связанный с рацией, практический разум. Феномен свободной автономной разумной воли выражает истину Сократа о необходимой связи знания, когниции и поступка, этика вбирает в себя в качестве своего основания разумный принцип. Но возникает вопрос, откуда берет эта разумная воля те правила, следуя которым человек становится нравственным субъектом? Априори тоже имеет свое основание, будь то в природе, генетике, образовании (как это было для Канта), традиции, там, где информация о добре и зле могла проявиться.

Закон более глубоко вложен в сознание человека, чем мы можем предполагать, это внутренняя потребность создавать правила гармонии и справедливости, которые когда-то были созданы. Для нас представляет интерес сопоставление третьей критики Канта «Критики способности суждения» с идеей К.Г. Юнга о коллективном бессознательном и концепции интерпретации художественного произведения у М.М. Бахтина в его модели взаимодействия автора и героя в процессе создания художественного произведения. Три базовых направления философской рефлексии мы попытаемся показать в их генуинном единстве, пересекая границы гносеологии, этики и эстетики, в частности, в понятии интуиции.

В стихии эстетического происходит преодоление границ рационального, открытие *intuitio*, где поступок, эстетический акт понимания произведения и суждения сливаются в единое событие бытия. Отсутствие понятия, посредством которого кажется только можно передать смысл, подразумевает безмолвную стихию сознания, где изречение становится саркофагом мысли.

Кромка рациональной оболочки мышления подобна неравномерной складке, изгибы которой вмещают подлинную границу эстетики, ее внерациональную основу. Феномен эстетического восприятия связывает глубинные пласты сознания и психики человека. К.Г. Юнг даст имя этому феномену «коллективное бессознательное», которое является, с одной стороны, аналогией с моментом суждения по Канту, и, одновременно, интуитивным когнитивным процессом. Здесь мы обнаруживаем процесс преодоления рации в эстетическом пространстве диалога-понимания.

И. Кант рассматривает эстетику как область, порожденную одной пограничной способностью человеческого сознания, которая связывает рассудок и разум в неуловимом акте суждения об искусстве. «Способность суждения своим априорным принципом в суждении о природе по ее возможным част-

ным законам дает ее сверхчувственному субстрату (как в нас, так и вне нас) определяемость посредством интеллектуальной способности. Разум же своим априорным практическим законом дает этому субстрату определение: таким образом способность суждения делает возможным переход из области понятия к области понятия свободы» [3, с. 37]. Для нас принципиально важным является момент перехода от природы к свободе, от феноменального к ноуменальному, процесс его открытия. Кант строит метаэстетическую теорию, детализируя мельчайшие акты сознания под микроскопом критической рефлексии. Он исходит из стремления понять закономерность процесса эстетического суждения, поместить его творческую силу в рамки рациональной телеологии, подчинив ее воле. Однако способность суждения тут же сама заявляет о себе, разрывая оковы разумной воли, прорываясь к свободе, о чем пишет немецкий философ. Это область чистой свободы, где наивность не является недостатком знаний, напротив, чем меньше знаний, тем прозрачнее и чище суждение.

Более того, эстетика призвана оживить душу, заставить ее узреть красоту там, где по природе есть лишь уродство и отвращение. Суждение вкуса с эпистемологической точки зрения нецелесообразно, оно не стремится к познанию, оно выражает уже схваченную сверхчувственную сущность вещи, минуя фильтр рациональности. Такова работа интуиции как когнитивной способности мгновенно проникать в суть предмета, не спотыкаясь о сомнения чистого разума.

Красота не существует сама по себе, подобно добру и злу она является конструктом разума, однако в отличие от своих этических инкарнаций, феномен красоты рефреном проходит через все культуры, на каких бы стадиях развития они бы не существовали. Категории эстетики происходят из корней культуры, граничащих с бесконечной почвой питающего их хаоса. Упорядочение этого хаоса находится за пределами стихии эстетического, подобно тому, как автор, приступающий к описанию своего отношения к герою, тут же выпадает из магического круга неслиянности и нераздельности с созданным им самим героем. Категоричную позицию относительно эмоционально-волевых составляющих высказывает М. М. Бахтин, когда совершает необходимый для объективного анализа героя водораздел между автором-творцом, автором-человеком и целым героем – «...[герой] видит свое творчество только в предмете, который он оформляет, т. е. видит только становящийся продукт творчества, а не внутренний психологически определенный процесс его» [1, с. 90]. Здесь нужно указать на необходимость изначальной этической установки на пороге вхождения в стихию героя¹. Высказывания о герое и попытки сравнить характеры автора с созданной им цельностью *post factum* происходят в ведомстве способности суждения, пересекаясь с этикой и личностной оценкой *ad hoc*. Хотя этическая установка предшествует самому творческому акту в осознании ответственности искусства, она не участвует в непосредственном сотворении образа героя.

Таким образом, перед нами предстают два направления работы интуиции. В начале это создание концепта, уплотненного до изначальной точки, аккумулирующей силу воплощения этой первичной интуиции в образе героя. Далее

¹ Под стихией героя подразумевается процесс конструирования цельной личности, которая одновременно инкорпорируется в сознание автора, но не является его проекцией.

работа интуиции продолжается в осуществлении симпатической связи автора и героя, творца и творимой им целостности. Если первичный акт выбора темы и создания концепта может быть соотнесен с понятием философской интуиции, разработанным А. Бергсоном [4], то напряженное симпатическое единство в процессе творческого акта создания произведения искусства исходит из иных установок, выходящих за пределы эпистемологического дискурса.

Sympatis

Реализация «субъективного общезначимого априорного принципа» содержит внутреннее противоречивое состояние, которое находится в субъекте и составляет, по словам И. Канта, «...сверхчувственный субстрат всех его способностей (которых не достигает рассудочное понятие), следовательно, то, по отношению к чему привести в соответствие все наши познавательные способности есть последняя цель, поставленная умопостигаемым началом нашей природы» [3, с. 186]. Таким образом сама природа посредством субъекта создает предмет эстетического созерцания, выводя его на суд бытия. Подобно тому, как язык вырывает из небытия сущность вещи, «каждая сотворенная вещь пребывает в ожидании своего имени, поскольку без него останется невидимой и нежизнеспособной...» [2, с. 49]. Свобода творчества становится лишь миражем в пустыне сознания на пути к выражению заранее данного природой смысла. Здесь мы не будем развивать тему свободы в процессе эстетического творчества, т. к. это требует отдельного исследования. В данной работе рассматривается одна грань проявления свободы – это понятие закона в эстетической деятельности. Парадоксальность действия закона лежит в его основании, в сфере воли и разума, не связанной, по Канту, с чувственным опытом апперцепирования, т. е. свободной от мира вещественного, подручного.

Закон симпатической связи играет исключительную роль не только в создании произведения, но и в акте созерцания и вынесении суждения, а также в акте самопознания. Выход за пределы самого себя для познания самого себя осуществляется в эстетической деятельности «чтобы перевести себя с внутреннего языка на язык внешней выраженности и вплести себя всего без остатка в единую живописно-пластическую ткань жизни, как человека среди других людей, как героя среди других героев...» [1, с. 111]. Эстетическое опрокидывается на познание самого себя, где происходит особого рода раздвоенность, происходящая в процессе эмпатии посредством наличия симпатической связи. Две направленности симпатии нам предстоит разобрать, одна из которых есть создание героя и замысла произведения, вторая происходит в момент вынесения суждения при созерцании и погружении в произведение.

Позиция сознания автора в акте творчества может характеризоваться словами швейцарского психолога и мыслителя К.Г. Юнга: «Он сам и есть свое собственное творчество, весь целиком слился с ним, погружен в него со всеми своими намерениями и умениями» [8, с. 104]. Однако здесь нет сотворения своей личности, но эквивокальное (двойственное) слияние, позволяющее произвести новую личность, образ в художественном произведении. Здесь происходит интуитивное соприкосновение с областью протипического, архетипического пространства сознания, той сверхчувственной сущностью,

которая мерцает в открытом бытии автора. В этот момент автор дает выражение не своему alter ego, а внутренней истине, заложенной в природе а priori. Достижение этой истины заключается в резонировании с создаваемым автором образом, с которым только и возможна интуитивная связанность. Резюмируя сказанное, приведем высказывание М. М. Бахтина, в котором соединены мысли И. Канта о сущности эстетического суждения с идеей необходимого погружения в стихию творчества К. Г. Юнга: «Не изнутри нее (внутреннее переживание жизни – прим. авторов) создается и оправдывается эстетическая форма, как ее адекватное выражение, стремящееся к пределу чистого самовысказывания (высказывание имманентного отношения к себе самому одинокого сознания), но извне навстречу ей идущей симпатией, любовью, эстетически продуктивной, в этом смысле форма выражает эту жизнь, но творящим это выражение, активным в нем является не сама выражаемая жизнь, но вне ее находящийся другой – автор, сама же жизнь пассивна в эстетическом выражении ее» [1, с. 156]. В продуктивном мышлении автора рождается новый мир, не сводимый к его актуальной внутренней психической жизни. Так работает архетип, вырывающийся наружу в творческом порыве, несмотря на то, что он лишь возможность, в эстетике он претворяется в жизнь, где автор облекает его в смысловую плоть.

Sensus communis aestheticus представляет собой обратную сторону той же медали эстетического действия, которое реализуется в момент безмолвного суждения, когда рассудок, упорядочивающий действительность, отступает перед всеобщим и одновременно индивидуальным авторским смыслом. Это то, что И. Кант назовет общим чувством или «...способностью судить о том, чему наше чувство в данном представлении придает всеобщую сообщаемость без опосредствования понятием» [3, с. 136].

Индивидуальное созерцающее сознание попадает в единое смысловое поле, связывающее другие сознания, образуя среду для беспонятийного понимания. Такая среда может быть названа коллективным бессознательным, в котором проформы активно выражают самих себя независимо от воли автора и созерцателя. Здесь мы видим два разных способа описания одного и того же двунаправленного эстетического процесса. К. Г. Юнг исходит из интуиции границы бессознательного мира и мира сознания. И. Кант в свою очередь отрицает наличие интеллектуальной интуиции, но эстетическое суждение влечет его на преодоление границ собственной мысли, подчиняющей анализ правилам ratio.

Третья позиция принадлежит М. М. Бахтину, который настаивает на наличии симпатической связи, интуитивном внутреннем диалоге автора с героем и в итоге автора через героя с созерцателем – читателем. Претворение эстетического смысла содержит в себе игру воображения, мечты, которые должны дистанцироваться от личности автора и стать иным, воплощенным в произведении.

Следующий этап эстетического анализа произведения лежит в области социологии искусства, когда мы вполне оторваны от глубинных пластов сознания автора, но сосредоточены на взаимосвязи объективированного содержания его сознания и появления новых смыслов в обществе, которые могут существовать параллельно истинным замыслам автора [5].

Epilogue

Рассмотрев три позиции разных мыслителей по отношению к эстетической деятельности и эстетике в целом, можно сделать вывод, что несмотря на стремление подчинить деятельность сознания заданным правилам, мы неизбежно выйдем на глубинный уровень душевной жизни, где происходит формирование этих правил, очерчивающий границы закона и свободы. Область эстетики является наиболее интересной для философско-психологического анализа работы сознания, где проявляется когнитивная способность интуиции. Проведенный в настоящей статье сравнительный анализ представлений об эстетике И. Канта, К.Г. Юнга и М.М. Бахтина, позволил нам выявить ряд отличительных и схожих черт подходов данных мыслителей к пониманию сущности эстетического действия.

1. Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Издательство русские словари, М.: Языки славянской культуры, 2003. 955 с.
2. Бразговская Е. Чеслав Милош: язык как персонаж. М.: Летний сад, 2012. 176 с.
3. Кант И. Сочинения. В 8-ми томах. Т. 5. М.: Чоро, 1994. 414 с.
4. Маслова А.В. Дискурс, археология знания и интуиция: М. Фуко и А. Бергсон // Вестник МГЛУ. Выпуск 11 (804), 2018. С. 274–283.
5. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. М.: АСТ: Москва, 2008. 189 с.
6. Щитцова Т.В. Событие в философии Бахтина. Мн.: И.П. Логвинов, 2002. 300 с.
7. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
8. Юнг К.Г. Собрание сочинений: В 19 т. Т. 15. Феномен духа в искусстве и науке. М.: Ренессанс, 1992. 320 с.

References

1. Baxtin M.M. Sobr. soch. T. 1. Filososfskaya e'stetika 1920-x godov. M.: Izdatel'stvo russkie slovari, M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. 955 s.
2. Brazgovskaya E. Cheslav Milosh: yazyk kak personazh. M.: Letnij sad, 2012. 176 s.
3. Kant I. Sochineniya. V 8-mi tomah. T. 5. M.: Choro, 1994. 414 s.
4. Maslova A.V. Diskurs, arxeologiya znaniya i intuiciya: M. Fuko i A. Bergson // Vestnik MGLU. Vypusk 11 (804), 2018. S. 274–283.
5. Ortega-i-Gasset X. Degumanizaciya iskusstva. Besxrebetnaya Ispaniya. M.: AST: Moskva, 2008. 189 s.
6. Shhitcova T.V. Sobytie v filosofii Baxtina. Mn.: I.P. Logvinov, 2002. 300 s.
7. Yung K.G. Arxetip i simvol. M.: Rennessans, 1991. 304 s.
8. Yung K.G. Sobranie sochinenij: V 19 t. T. 15. Fenomen duxa v iskusstve i nauke. M.: Rennessans, 1992. 320 s.

UDC 130.31

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.7076

IMPERFECTION OF PURE INTELLIGENCE: AESTHETICS, RATIO, INTUITION

Kayumov Ajdar Talgatovich,

Moscow State Linguistic University,
Department Of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Moscow, Russia,
E-mail: atkayum@gmail.com

Maslova Anastasia Vladilenovna,

Moscow State Linguistic University,
Department of Philosophy,
PhD of Philosophy, Assistant Professor,
Moscow, Russia,
E-mail: an_maslova@inbox.ru

Annotation

The article is devoted to the analysis of the origin of aesthetics at the deep level of human consciousness. Three works of outstanding thinkers, I. Kant, K.G. Jung and M.M. Bakhtin, are taken as a basis, forming a dialogue aimed at elucidating the origin of aesthetic categories, which are on the edge of intuitive judgment of taste and its rational externalization in a particular work. The differences in the approaches and ways of thinking of the three thinkers under consideration are emphasized, which will allow to create a holistic view of the phenomenon of the aesthetic.

Keywords:

aesthetics, ability of judgment, collective unconscious, intuition, action, rationality, sympathy.